

УДК 396
УДК 001

ИЗ НЕБЫТИЯ: ЖЕНСКИЕ ИМЕНА В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ НАЧАЛА XX В.

Н. Л. ПУШКАРЕВА

*Институт этнологии
и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

e-mail: pushkarev@mail.ru

Данная публикация восполняет существующий в историографии пробел в изучении «женского лица российской науки». В ней генерализирована информация о русских женщинах-ученых, работавших в России и за ее пределами с рубежа XIX-XX вв. и до революционных потрясений 1917 г. Объясняя немногочисленность женских имен в истории русской науки начала XX в., автор приводит споры и дискуссии вокруг женского присутствия в научном сообществе, неприятие консерваторами факта умножения числа серьезных научных работ, выполненных женщинами. Публикация продолжает серию статей автора, ведущего лонгитюдное исследование российского научного сообщества.

Ключевые слова: история женского труда, история женщин, гендер, гендерные дискриминации, гендерная асимметрия, история русской науки.

Тема «женщины в российской науке» – одна из актуальных (поскольку современное научное знание медленно, но неуклонно феминизируется, и вопрос о последствиях этого процесса дебатировался во многих странах), но – как ни странно – недостаточно исследованных в нашей историографии. Ответом на размещение в Интернете одной из публикаций по этой теме¹ было ее широкое обсуждение². «...Я искренне была удивлена, когда читала эту статью ☺ А почему про русских женщин ничего нет? Не знаю. Сама удивлена, что о них ни слова ☺», – признавалась одна блоггерша. Другие участники дискуссии пытались «дописать текст» и припомнить открытия известных всему миру русских женщин-ученых, чьи имена незаслуженно забыты³. Но даже «всем миром» вспомнить кого-то, кроме С.В. Ковалевской, оказалось непросто. Данной публикацией можно попытаться хоть немного восполнить этот пробел, а также поискать объяснения причинам столь слабой представленности наших женщин в мировой истории науки.

Итак, в то время, как в Лондоне творила «первый программист» Ада Лавлейс (1815-1852), в России еще только спорили, можно ли допустить женщин к университетскому образованию. К рубежу веков споры не утихли, и на протяжении всего начала нового, XX-го, столетия в российской научной среде существовали стойкие предубеждения против участия женщин в науке, в этой особой, чисто мужской, привилегированной, какой она тогда считалась, сфере деятельности⁴. «Созидательный труд, творчество, трезвый и беспристрастный взгляд на вещи – все это присуще мужчине, но никак не средней женщине» – утверждали те, кто серьезно опасался конкуренции

¹ Пушкарева Н.Л. Женщины в российской науке: два столетия дискриминации // Женщина +. 2004. № 3 (31). С. 31-34.

² Размещенная в Интернете статья неоднократно перепостовывалась под заголовком: «Академики в чепце? История дискриминационных практик в отношении российских женщин-ученых», см.: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.passion.ru/s.php/7809-1.htm>, <http://www.moscowuniversityclub.ru/home.asp?artId=385>, <http://www.owl.ru/content/womplus/p54142.shtml>, http://www.owl.ru/win/womplus/2004/01_11.htm

³ «Вполне можно было ожидать от женщин изобретения всяких микроволновок и лифчиков... Но глушитель (вместе с перископом и астролябией)..Ооо! – А ты что думала? Мы такие...» (Из обсуждения на форуме [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://blogs.privet.ru/user/freeda_green/46253466)

⁴ См. подробнее: Сватиков С. Русская студентка 1860-1915. Сб. статей «Путь студенчества». М., 1916; Ср.: Шибков А.А. Первые женщины-медики России. Л., 1961.

на рынке труда со стороны «ученых женщин»⁵. На требование допустить женщин, защитивших докторские диссертации (а это могло случиться только за пределами России), в состав научных Академий разных стран, консерваторы отвечали отказом. Россия не была здесь исключением.

Разве хотели в Германии принять в Академию наук доктора математики Эмми Нетер (ведь именно по ее поводу прозвучал знаменитый вопрос «Разве Ученый Совет – баня, в которую нельзя допустить женщину?»)⁶? Разве в той же Германии пожелали считать выдающимся физиком знаменитую Лизу Мейтнер, одну из основательниц космической физики не только в Германии, где она получила докторскую степень одной из первых женщин или просто первой, но и в Европе (ведь даже в газетах по-быстрому изменили название ее диссертации, написав вместо «Проблемы космической физики» – «Проблемы косметической физики»)?⁷ Так что неприятие «ученых дам» в России получало постоянное подкрепление из-за рубежа.

Вот почему посильный вклад в русскую науку начала XX вв., внесенный открытиями талантливых русских женщин, посвятивших своим научным изысканиям жизнь, был закономерным результатом не усиленной поддержки, а напротив их собственной упорной, нестигаемой воли и исключительного трудолюбия. Анализ биографий первых русских женщин-ученых доказывает, что все их успехи были достигнуты в условиях не только не способствовавших, но именно препятствующих женской карьере. Не случайно, скажем, судьба первой в России женщины, получившей степень доктора медицины в области офтальмологии – Марии Обручевой-Боковой-Сеченовой (1839-1929) – поражала многих современников (Мария Александровна, кстати сказать, – прототип той самой Веры Павловны (Розальской) в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?», о снах которой помнит едва ли не каждый школьник). С помощью фиктивного брака Мария выбралась на учебу в Германию, получила там степень и в дальнейшем преподавала и работала в Киеве (к концу своей долгой жизни, а она застала не только революцию, НЭП, но и его свертывание) посвятила литературной деятельности. Она не мыслила себя без дела и оставила посильную память по себе в науке⁸.

Женщины, решившие избрать научную стезю, должны были все время доказывать свое право на такой жизненный выбор и далеко не всегда достигали в этом успеха – и это при том, что многие из них с отличием оканчивали западные университеты, в том числе различные факультеты Сорбонны⁹, Цюриха¹⁰, а иногда добивались выдающихся результатов путем самообразования. Среди последних – В.Н. Харузина (занимавшаяся преимущественно проблемами верований и фольклором) и А.Я. Ефименко. Обе они, получили признание как первые российские женщины-этнографы¹¹, а также О.Е. Габрилович – первая русская женщина-магистр фарма-

⁵ Русский вестник. 1903. № 8. С. 667.

⁶ Noether E.P. Emmy Noether // Complexities: Women in Mathematics // Ed. by Bettye Anne Case and Anne Leggett. Princeton, 2005. P. 37.

⁷ Кочина П.Я. Наука. Люди. Годы. М., 1988. С. 46; Малоизвестные факты. Факты по теме НАУКА // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mifact.ru/by_theme.php?th_id=162

⁸ Материалы ее личного фонда – в составе Фонда 605 (И.М.Сеченов) Архива РАН. Розова К.А., М.А. Бокова-Сеченова, первая русская женщина врач-окулист // Фельдшер и акушерка. 1947. № 12; Белкин М.С. Русские женщины-врачи – пионеры высшего женского медицинского образования. [К 80-летию получения врачебного диплома первыми русскими женщинами-врачами] // Советский врачебный сборник. 1949. № 14.

⁹ Любина Г.И. Россия и Франция. История научного сотрудничества (вторая половина XIX – начало XX века). М., 1996; Спрудина Т. Русские женщины нашего времени. Одесса, 1900. С. 9.

¹⁰ Скажем, С.М. Переяславцева была не только ярким зоологом, но и основательницей «Русской библиотеки» в Цюрихском университете. Однако, когда она вернулась в Россию, места в столицах ей не нашлось. Она недолго проработала в Ставрополе и, сделав блестящий доклад на одной из конференций, неожиданно бросила работу по неизвестным причинам. Переяславцева С.М. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mke.su/doc/PEREYASLAVTSEVA.html>

¹¹ Харузина В.Н. Воспоминания детских и отроческих лет / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. М.М. Керимовой и О.Б. Науумовой. М., 1999; Можейко И. Первая среди русских женщин-

ции, заставившая ученых мужей из Военно-медицинской академии в России признать ее успехи¹².

Некоторые из русских соискательниц научных знаний оставили заметный след и в мировой науке – и это при том, что множественные обстоятельства могли осложнять их жизнь так, как не снилось мужчинам. Скажем, вышеупомянутая профессор-этнограф А.Я.Ефименко была многодетной матерью (она «подняла» пятерых детей, дав им хорошее образование, ухаживала за постоянно болеющим мужем, также этнографом, политическим ссыльным в Архангельскую, а потом в Вологодскую губернию П.С.Ефименко, не оставляла вниманием и свою мать, жившую в соседних с Архангельском Холмогорах)¹³. Украинская фамилия мужа, заканчивавшаяся «на О» – Ефименко – избавила ее от необходимости публиковаться под псевдонимом и чужой, мужской фамилией, хотя в целом такая практика вплоть до 1920-х гг. во многих странах Европы была распространенной и в России тоже¹⁴. При таких-то жизненных невзгодах, А.Я. Ефименко оставила огромное этнографическое наследие.

Другой пример убежденной и целеустремленной работы над собой являет судьба первой русской женщины, получившей степень доктора юриспруденции, изучавшей традиционное и обычное право южных славян – А.М. Евреиновой (1844-1919)¹⁵. Она получила степень доктора в 1877 г. – одновременно со своими подругами и единомышленницами (Ю.М. Лермонтовой, С.В. Ковалевской, называвшей ее – сопоставляя с героиней французского народа – *Жанной* вместо *Анны*), причем получила степень, сдав экзамены и квалификационную работу экстерном. В Петербурге она не желала мириться с непризнанием и добилась включения своей фамилии в состав редколлегии одного из правоведческих журналов, была избрана членом Петербургского юридического общества, стала главным редактором литературного журнала «Северный вестник», устраивала публичные чтения, много издавалась сама и выступала в поддержку идей женской эмансипации (став постепенно квалифицированной защитницей женских прав), вела переписку со многими выдающимися учеными и писателями, в частности, с А.П. Чеховым

На рубеже XIX – XX вв. началась научная деятельность ряда женщин-химиков. Нет, они не сделали огромных открытий и не стали вторыми «Бутлеровыми» или «Менделеевыми». Но среди имен великих хотелось бы, чтобы не потерялось имя В.Е. Поповой (до замужества – Богдановской). Учившаяся в Петербурге и Женеве, она стала основательницей первой химической лаборатории на Ижевском заводе в 1895 г. После ее трагической гибели в возрасте 29 лет во время научных опытов с белым фосфором, ее муж пожертвовал огромную сумму на развитие химических знаний именно на женских курсах. Другое заметное имя – химика М.Г. Агеевой, получившей в 1906 г. Малую Бутлеровскую премию от Русского химического общества¹⁶ (и это было в первый раз в истории общества, чтобы премию дали женщине).

В неженскую область знания – астрономию и физику – в начале XX столетия властно ворвались женские имена. Трудно не упомянуть Л.П. Цераскую – женщину-астронома, открывшую 219 переменных звезд. Окончив Женские педагогические курсы в Петербурге, проработав около 30 лет обычной преподавательницей французского языка, она с 1898 г. совместно с мужем, В.К. Цераским, приступила к работе по

ученых (Ефименко А.Я.) // Харьковские известия. 2008. 29 апреля. № 51. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.izv.kharkov.ua/index.php?editionID=53&menuID=527&newsID=1407>

¹² Бирюкова Т. Первая женщина, ставшая магистром фармации // [http:// ФармВестник.Ру](http://ФармВестник.Ру). № 7 (123) 1999. 11 марта. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.pharmvestnik.ru/cgi-bin/statya.pl?sid=1332&forprint=1

¹³ Марков П.Г. А.Я.Ефименко – историк Украины. Киев, 1966. С. 14, 18, 22. Грустно думать о том, что и сама А.Я. Ефименко, и одна из ее дочерей погибли от рук «бандитов» в декабре 1918 г. (хотя ныне трудно определить, какого «цвета» были те бандиты, что убили дворянок Ефименко).

¹⁴ Мирская Е.З., Мартынова Е.А. Женщины-ученые: проблемы и перспективы // Социальная динамика современной науки. М., 1995. С. 60–61.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 982. Оп. 5 (Материалы Евреиновой Анны Александровны (жены Н. Н. Евреинова)

¹⁶ См. подробнее: Мусабеков Ю.С. Ю.В. Лермонтова. М., 1967. С. 16, 20.

поиску новых переменных звезд. С этого времени ее имя оказалось навсегда связанным с историей Московской обсерватории (ныне Государственный астрономический институт им. П.К. Штернберга), а ее работы – отмечены премией Русского астрономического общества¹⁷. Помимо Л.П. Цераской, свое слово в науке сказали ее младшие современницы, также выпускницы Бестужевских курсов – М.В. Жилова (1870-1934), в советское время – сотрудница Пулковской обсерватории, получившая незадолго до смерти звание адъюнкт-астронома, и астрофизик И.Н. Леман-Балановская (1881-1945), учившаяся после Петербурга в Геттингене, а затем работавшая в Пулковской и Николаевской обсерваториях¹⁸.

Современницами Л.П. Цераской и ее коллег были женщины, избранные за их научные достижения – с почти полуторавековым перерывом – в состав действительных членов и членов-корреспондентов Академии наук. В 1906 г. членом-корреспондентом АН была избрана флорист (ботаник), путешественница, географ и антрополог О.А. Федченко (1845-1921)¹⁹, дочь профессора МГУ А.О. Армфельда (того самого, что в 1866 г. инициировал в МГУ голосование по вопросу о допущении женщин в университеты и активно вступал за расширение доступа женщин к преподаванию в университетах). Ольга даже родилась прямо в здании университета и выросла, по сути, в научной среде. Вся ее жизнь была продолжением научного дела, начатого в детстве и продолженного совместно с мужем (он погиб в возрасте 29 лет), причем продолжением весьма успешным. Она воспитала и сына-ученого (Б.А. Федченко)²⁰.

В те же годы, совпавшие с первой русской революцией в обеих столицах грело имя графини Прасковьи Сергеевны Уваровой (1840-1924) – профессора археологии Дерптского университета, второй (после Е.Р. Дашковой) женщина, избранной действительным (полным) членом Петербургской Академии наук. Она стала ее почетным членом, поскольку была одной из первых русских женщин-ученых, ставшей действительным организатором науки (П.С. Уварова организовала несколько Всероссийских археологических конгрессов) и при этом была автором около 200 научных работ...²¹ В своих воспоминаниях она писала: «В мае 1885 года Археологическое общество избирает меня своей председателем. Боясь ответственности за бездельность Общества и не находя между собой человека свободного и работоспособного, они решили, что... если я окажусь неспособной, то всегда легче и для них покойнее свалить вину на слабую неспособную женщину... Я поблагодарила и пообещала быть Обществу «послужницей»...». Ей было тогда 45 лет...²² Не один раз на страницах воспоминаний встречаются описания ее встреч с учеными в других странах, которые «не привыкли видеть русскую даму, занимающуюся науками, а тем более археологией», но отмечавшими, что она «вела дела с блеском»²³. Любопытно, что во время Первой мировой войны, когда русские войска оказались под Кенигсбергом, имя П.С. Уваровой было немедленно вычеркнуто из списков действительных членов немецкой Академии.

В начале XX в. защитили докторские диссертации выдающие женщины-филологи – О. Крамарская о творчестве А.С. Грибоедова, М.И. Бородина (дочь извест-

¹⁷ Цераская // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D0%B8%D0%B4%D0%B8%D1%8F_%D0%A6%D0%B5%D1%80%D0%Vo%D1%81%D0%BA%D0%Vo%D1%8F

¹⁸ Неуймина М.Н. Женщины-астрономы Пулковской обсерватории // Историко-астрономические исследования. 1969. Вып. 10. С. 229-239.

¹⁹ Иванов Д.Л. Из личных воспоминаний об О.А. Федченко // Известия Ботанического сада. 1924. Т. 23. Вып. 2. С. 23.

²⁰ Тишкина А.Г. Путешественница и ботаник А.Г. Федченко // Российские женщины и европейская культура: материалы V конференции, посвященной теории и истории женского движения / Сост. и отв. ред. Г.А. Тишкин. СПб, 2001. С. 132-136

²¹ Уварова // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.library.vladimir.ru/parts/srk/ovch/uvarova.htm>

²² Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М., 2005. С. 160.

²³ Там же. С. 197, 206, 208.

ного русского ботаника И.П. Бородина, впоследствии жена французского историка Ф. Лота) защитила свою работу в 1909 г. в Сорбонне, посвятив ее творчеству французского средневекового поэта Кретьена де Труа. Работа М.И. Бородиной получила оценку «очень достойная» – высшая степень похвалы для работ подобного рода²⁴. Два года спустя, в 1911 г., тоже в Сорбонне, россиянка впервые получила докторскую степень по специальности «всеобщая история». Ее была удостоена О.А. Добиаш-Рождественская – в будущем первая женщина – член-корреспондент АН СССР по отделению истории. Сразу после революции, в 1918 г. она была избрана профессором Петроградского университета и подготовила, несмотря на весьма сложную судьбу, свою большую научную школу²⁵.

Однако в те времена попытки представительниц прекрасного пола прорваться к научным знаниям расценивались противниками женской эмансипации как «сознательный обман»²⁶, к которому прибегают женщины, стремясь «захватить наиболее удобную, наиболее приятную и наилучше оплачиваемую работу» – ту, «которую делают ученые»²⁷. Хотя уж о каких удобствах научной деятельности можно говорить применительно, скажем, к Е.Н. Клобуковой-Алисовой – создательнице первого в истории русской науки Ботанического кабинета в Уссурийске. Выпускница – как и многие другие, вышеперечисленные, – Бестужевских курсов, она отправилась на Дальний Восток и развернула там энергичную деятельность. В разгар политического кризиса в столице в середине 1917 г. добила открытие при Южно-Уссурийском отделении Русского географического общества Научного Кабинета – первого научного учреждения в этом крае. Как впоследствии писали о ней; «из этой маленькой почки развилось потом плодоносное живое древо дальневосточной науки»²⁸.

Если публицисты XIX столетия упрекали ученых женщин в том, что они «нарядились они чуть не в мужские костюмы, остригли волосы, закрыли глаза синими очками, усвоили угловатость манер, стали говорить какой-то деланной речью, с напускным цинизмом»²⁹, то журналист начала XX-го попрекал ученых женщин тем, что их книжные знания равносильны бесполезной игрушке: «Что же касается до ученых женщин, то у них книги играют такую же роль, как и их часы; а часы они носят только для того, чтобы показать, что часы у них есть, хотя сплошь и рядом эти часы у них не ходят или ходят совсем не верно»³⁰.

Чтобы окончательно развести и противопоставить тех женщин, которые ориентированы на семью и тех, кто желал творческой самореализации в научной работе, автор статьи о «настоящем и будущем женского движения», убеждал читателей, что интересы «академиков в чепце» – это «интересы одних лишь незамужних и старых

²⁴ Любина Г.И. Россия и Франция.. С. 42.

²⁵ Люблинская А.Д. О.А. Добиаш-Рождественская как ученый // Ученые записки ЛГУ. Сер. ист. наук. 1941. Вып. 12; Ее же. О.А. Добиаш-Рождественская как историк // Средние века. 1942. Вып. 1; Ее же. Значение трудов О.А. Добиаш-Рождественской для развития латинской палеографии в СССР // Там же. 1966. Вып. 29; Воронова Т.П. Архив О.А. Добиаш-Рождественской в ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина // Там же; Чехова Е.П. Ольга Антоновна Добиаш-Рождественская // Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы (1878–1918). Л., 1973; Воронова Т.П. Заседание, посвященное 100-летию со дня рождения О.А. Добиаш-Рождественской // Археографический ежегодник за 1974 г. М., 1975; Каганович Б.С. Добиаш-Рождественская и ее научное наследие // Французский ежегодник, 1982. М., 1984.

²⁶ Круглов А.В. Кто виновник убыли женской души? М., 1904. С. 23.

²⁷ Фрапан И. Труд // Мир божий. 1904. № 5. С. 225-226; ср. с сюжетом художественного произведения, в котором главный герой, муж «ученой женщины», врача, в конце концов кончал самоубийством, не в силах перенести мук ревности в долгие вечера, когда его жена ставила опыты или ходила по визитам (Ариэль О. Долой женщин. М., 1905).

²⁸ Сергиенко В.И. К 75-летию создания Дальневосточного отделения РАН // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.febras.ru/doc_for_site/pozdr_75_acad_science.doc

²⁹ Сиповский В. Положение у нас вопроса о высшем женском образовании // Женское образование. 1876. № 6. С. 260.

³⁰ Антропология // Научное обозрение. 1900. № 3. С. 167 (167-174).

дев, ищущих заполнить чем-либо свое пустое существование»³¹. Он был мало озабочен о том, что «припечатывает» своими высказываниями всех тех женщин, которым не посчастливилось в семейной жизни и для которых научная работа могла бы стать реальной отдушиной.

С подобными воззрениями перекликались установки властителей умов российской интеллигенции начала прошлого столетия, в частности, Н.А. Бердяева. «Все эти девичьи с зубоврачебных курсов, – иронизировал философ, – потерявшие облик женщины, с истерической торопливостью бегущие на все сходки и митинги, производят отталкивающее впечатление. Это существа, не имеющие своего Я, обезьяны, «мужчины третьего сорта»... [Они] слишком быстро становятся подслеповатыми от несоответствующих их назначению занятий, и они надевают очки, превращающиеся в символ обезьянничества, искажающий природу женщины»³².

Обосновывая ненужность и опасность включения женщин в научную деятельность, современники упрекали их, стремящихся к творческому самовыражению, в том, что у них не будет хватать времени на выполнение традиционных женских обязанностей – по дому и воспитанию детей, ни минуты не задумываясь о том, что они могут быть разделены с ними мужьями: «[Если] матери семьи большую часть времени не [будет] дома, надзор за детьми нужно поручать наемной няньке, хозяйство всецело предоставить кухарке, отказавшись от всякого контроля над нею. Что же, спрашивается, останется от этих «лишних» 25-ти рублей в семье [которые заработает женщина своим трудом на ниве науки]? Ничего, кроме хаоса и неурядицы»³³.

Пытаясь просчитать, понадобятся ли научные знания женщине, которая получила их до замужества и вряд ли будет использовать свои склонности к научной работе, если в семейной жизни она будет счастлива и материально благополучна, журналисты строили предположения: «Вступив в брак, после 5-10-летней специальной подготовки», эти женщин «просто-напросто бросят свои научные, профессиональные занятия» и «государственные средства, вложенные в их передачу», таким образом, окажутся «выброшенными на ветер»³⁴. Таким образом, и философ, и многочисленные публицисты, прибегали к давно апробированному патриархально-ориентированному общественным мнением приему отрицания необходимости женского участия в производстве научного знания через упрек в потенциальной утере женственности и неспособности выполнить традиционные семейные обязанности теми, кто рискнет порвать со стереотипами.

Никаких научных перспектив в таких условиях развития высшего образования для женщин не могло быть открыто. Вот почему столь редки имена ученых-женщин на скрижалях российской истории до начала советской эпохи. Тем не менее, названные выше, – еще не весь список³⁵. Напомню о тех, кто – взвалив на себя нелегкую ношу сделать прорыв первыми, постарался передать эстафету своим ученицам. В воспоминаниях П.Я. Кочиной – профессора, действительного члена АН СССР, выдающегося советского гидромеханика – содержатся удивительные по теплоте строки, касающиеся сестер О.Н. и Н.Н. Гернет – «бестужевок», которые воспитали немало будущих женщин-ученых, проявивших себя на научной ниве.

Н.Н. Гернет, в частности, защитив диссертацию в Германии, в 1901 г. начала преподавание в России – как раз на Бестужевских курсах. И была одной и научных руководительниц П.Я. Кочиной в юности. «Все непонятное – объясняла, подчас при-

³¹ Лозинский Е. О настоящем и будущем женского движения (в связи с проблемами целомудрия и задачами материнства) // К свету. СПб, 1904. С. 38.

³² Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. СПб, 1907. С. 174.

³³ Женское сельскохозяйственное образование // Русский вестник. 1900. № 2. С. 812.

³⁴ Кей Э. Век ребенка. М., 1905. С. 63.

³⁵ Среди первых русских путешественниц-этнологов можно назвать имя Л.А. Мерварт (урожденной Левиной, 1888-1965), ученицы выдающегося индолога С.Ф. Ольденбурга, начавшей полевую и исследовательскую деятельность в Индии в годы Первой мировой войны как сподвижница и единомышленница мужа, А.М. Мерварта. См.: Краснодарская Н.Г. Трудники и романтики этнографической науки // Кунсткамера. Этнографические тетради. 1997. Вып. 11. С. 315.

глашая к себе домой, где «любила угощать чаем с сахаром и другими сладостями, в части, с желе, которое она сама варила»³⁶. Ученая подчеркивает, что эта женщина воспитала, за чаем и объяснениями, целую плеяду «математичек» – среди них были, по словам П.Я. Кочкиной, «Катя Нарышкина, Валя Короткевич, Женя Антонова» и еще с десяток увлеченных математикой молодых особ. В частности, Е.А. Нарышкина впоследствии работала в Сейсмологическом институте АН СССР и в 1939 г. стала первой женщиной, защитившей в России докторскую диссертацию по математике. Она внезапно умерла незадолго до войны в возрасте 45 лет... Здесь хочется назвать имена и других ее сестер в науке – женщин, вступивших на научную стезю и выбравших «неженские» ее области (математику, астрономию, астрофизику) незадолго перед революционными потрясениями 1917 г. или сразу после них. Некоторые из них получили докторские степени и профессорские звания до начала Великой Отечественной войны – Н.Ф. Рейн, П.Ф. Шайн, С.В. Романская, В.Ф. Газе, Н.С. Самолова-Яхонтова и др.³⁷ Что же касается самой Н.Н. Гернет, «так и не вышедшей замуж и целиком отдавшей себя науке», то она умерла от истощения во время ленинградской блокады³⁸.

Подводя итоги развитию науки и роли в нем женщин в рассматриваемое время, стоит сделать вывод о том, что произошедшие на рубеже XIX – начала XX столетий серьезные социально-политические и социально-экономические изменения, введение совместной формы обучения в вузах не смогли кардинальным образом изменить существовавшие в российской обществе гендерные стереотипы, продолжавшие отрицать за женщиной возможность пользоваться личной свободой в выборе профессии, в том числе профессии научной сотрудницы. Эти ментальные установки оставались прочной базой формирования весьма предубежденного общественного мнения об «ученой женщине»³⁹. Разрушить его – как считалось тогда – и призвана была революция.

OUT OF OBLIVION: WOMEN'S CONTRIBUTION TO THE HISTORY OF THE RUSSIAN SCIENTIFIC INVESTIGATION IN EARLY XX CENTURY

N. L. PUSHKAREVA

*Institute of Ethnology
and Gender Studies
n.a. N.N. Miklukho-Maklay,
Russian Academy
of Sciences*

e-mail: pushkarev@mail.ru

The article implements the gap in the study of the "women's face of Russian science". It generalizes the information on Russian women-scientists who worked in Russia and abroad since the turn of the XIXth and XXth century till the revolutionary disturbance of the 1917. Natalia Pushkareva explains the lack of women's names in the history of Russian science at the beginning of the XXth c. and analyses the discussions and disputes on women's presence in scientific community that took place at that time. She also represents the views of the conservative-minded disputants who expressed antagonism against the multiplication of significant scientific works conducted by women. The publication continues the serie of articles by Natalia Pushkareva who conducts a longititude study of Russian scientific community.

Key words: women's labor history, women's history, gender, gender asymmetry, gender discrimination, history of Russian science.

³⁶ Кочина П.Я. Наука. Люди. Годы. М., 1988. С. 52.

³⁷ Масевич А.Г., Терентьева А.К. Женщины-астрономы // Гурштейн А.А. (отв. ред.) На рубежах познания Вселенной. Историко-астрономические исследования. М., 1992. С. 94-111.

³⁸ Кочина П.Я. Наука. Люди. Годы. М., 1988. С. 52-52.

³⁹ Веремченко В.А. «Ученая женщина»: дискуссии в российском обществе вторая половина XIX – начало XX в.) // Интеллигенция в истории: Образованный человек в представлениях и социальной действительности / Отв. ред. Д.А. Сдвижков. М., 2001. С. 307.